

Мне часто чудится одно и то же:
Дым и разрывы вижу я во сне,
А после, утром, мне еще дороже
Трава на склоне, иглы на сосне.

И я молю, пусть будет в мире этом,
Где свершено так много черных дел,
Орех орехом и рассвет рассветом,
Подсолнух желт, и снег исконно бел.

Я только человек, и слаб мой голос,
Но повторяет тихий голос мой:
«Пусть колосом вовеки будет колос,
Весна весною и зима зимой!»

Пока над миром нашим солнце светит,
Пусть он живет в разумности своей.
Необходимо все на белом свете:
Трава и камень, слон и муравей.

И кровь пусть только в зарослях кизила
Стекает с алых ягод вдоль ствола.
Отцам детей оставьте, милым — милых,
Низине — соловья, горе — орла.

Над садом, над пустыней ли убогой
Пусть не займется пламя в черный час,
Не смейтесь, люди, над моей тревогой,
Я видел все — тревожусь я за вас.

И хоть мне не предвидеть: будешь кто ты,
Последний в мире истинный поэт,

Но, как поэт и первый и двухсотый,
Ты будешь, знаю, славить жизнь и свет.

1966